Жизнь в искусстве

Имя Герберта Зоммера неразрывно связано с театром. Поэтому сегодня, когда исполняется 70 лет этому известному латышскому актеру и режиссеру, его юбилей одновременно является праздником и для всех театров нашей республики, для всех любителей искусства.

Начало театральной деятельности Г. Зоммера относится к тому времени, когда молодой человек был воспитанником Екабпилсского торгового училища. Мечта о сцене привела его в Валмиерский рабочий театр. Затем последовали Художественный театр, Елгавский и, наконец, Государственный академический театр драмы.

С самого начала работы в театре его призванием стали характерные роли. Большая часть творческой жизни Г. Зоммера отдана раскрытию человеческих слабостей, отрицательных качеств. Иногда эти образы бывали настолько заостренными, настолько сознательно гиперболизированными, что казалось, актер балансирует на острие ножа. И тем не менее он всегда сохранял психологическую достоверность.

Герберт Зоммер наделен удивительным чувством правдивости, вкусом. Ему присуща большая внутренняя культура. Артист считает, что натурализм — величайший враг подлинного творчества. В своих работах он добивается большой сценической выразительности. Хорошая театральность, которой он обязан работе в Художественном театре, более или менее присутствует в каждом его сценическом образе. Любая роль Герберта Зоммера отличается прежде всего яркой внешней характерностью. Вспомним хотя бы Скупого рыцаря в маленьких трагедиях Пушкина. Его скользящая походка, длинные руки, подстерегающие глаза угодливая улыбка — одно это уже метко характеризует бесчестного мошенника, торговца смертельным зельем.

Герберт Зоммер.

Но было бы неправильным пытаться ограничить значение творчества Зоммера рамками одного этого амплуа. Вот вам другой пример — инспектор Гуль из пьесы Д. Пристли «Инспектор явился», где он выходит на сцену как судья буржуазной морали. Или наш современник Николай Охотников в пьесе А. Арбузова «Потерянный сын» — старый советский учитель, человек богатой души и чистого сердца.

Зоммера, как режиссера, хотелось бы сравнить с живописцем, умеющим для каждого полотна выбрать только ему присущие краски, для каждого пейзажа — верные тона. Дыхание морских просторов ощущалось в поставленном им «Мартине Идене», искрящаяся жизнерадостность — в комедиях Лопе де Вега и Тирсо де Молина, настроение лирической комедии — в «Обыкновенном человеке» Л. Леонова.

О юбилярах обычно говорят: трудно поверить, что ему уже столько-то лет. В данном случае эти слова действительно уместны — неуемная сила творческой мысли и жизнеспособность все еще присущи нашему юбиляру. А это залог того, что 70 лет — отнюдь не последняя ступень, достигнутая замечательным актером в его бескорыстном служении любимому искусству.

М. Гревинь

„Голос Риги" г. Рига 18 МАЯ 1965